

17. Новейший энциклопедический словарь / под ред. Е. А. Варшавской. – М.: Астрель, 2004. – 1420 с.

18. Перемиловский, В. В. Из книги "Лермонтов" / В. Перемиловский // Фаталист: Из наследия первой эмиграции: сборник статей / сост., вступ. ст. и коммент. М. Д. Филин. – М.: Русский Миръ, 1999. – 55 с.

19. Удодов, Б. Т. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» / Б. Т. Удодов. – М.: Просвещение, 1989. – 64 с.

20. Философский словарь / под ред. Н. Т. Фроловой.: 6-е изд., доп. и перераб. – М.: Политиздат, 1991. – 560 с.

21. Философский энциклопедический словарь / сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблёва, В. А. Лутченко. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 569 с.

22. Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии (XIX в.): антология: в 2 ч. / сост. И. Т. Фролов. – М.: Республика, 1995. Ч. 2. – 522 с.

23. Шестов, Л. И. Киркегард и экзистенциальная философия / Л. Шестов. М.: Прогресс-Гнозис, 1992. 55 с.

УДК 76
ББК 85.03
А23

Агафонова С. В.

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ЯПОНСКОЙ ГРАВЮРЕ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СИНТОИСТСКОЙ МИФОЛОГИИ

Синтоизм как основа мировоззрения японцев оказал значительное влияние на формирование художественной традиции Японии. На примере японской гравюры укиё-э автор устанавливает связи между образами женщины в синтоистской мифологии и куртизанками на японской гравюре, утверждая о неизменной актуальности женских образов разного статуса, несмотря на наличие и элементов модернизации.

Ключевые слова: Япония, гравюра, синтоизм, женщина.

Shinto as the foundation of the Japanese worldview had a significant impact on the formation of the artistic tradition of Japan. The author establishes the link between the image of women in Shinto mythology, and courtesans on Japanese

prints on example of Japanese ukiyo-e, arguing the continued relevance of female images of different status, despite the presence of elements of modernization.

Key words: Japan, engraving, Shintoism, woman.

Традиционная культура Японии – это сложная система религиозных, эстетических и социальных представлений и ценностей, в центре которой – синтоизм как основа мировоззрения. Синтоистская мифология одновременно и влияла на социум, и испытывала влияние исторических событий. Так, главенство богини солнца Аматэрасу в синтоистском пантеоне объясняется возвышением родового клана, почитавшего богиню [9, с. 15]. В итоге мы получаем уникальную вероучительную систему, в центре которой стоит женский образ – со всеми связанными с ним характеристиками.

Синтоизм оказал значительное влияние на формирование художественной традиции Японии, затронув все сферы творчества. Это наглядно иллюстрируется на примере японской гравюры укиё-э – направления, появившегося в середине XVII в. и означающего «искусство быстротекущего мира». Поскольку степень влияния синтоизма на художественную культуру не ослабевает вплоть до Реставрации Мэйдзи (1868 г.) – начала активной модернизации страны, образы женщины, коренящиеся в синтоистской мифологии, занимают значимое место и в гравюре XVII-XIX вв. Более того, в ксилографии того времени выделился отдельный жанр, посвященный непосредственно изображению женщин – бидзин-га (букв. «изображения красивых людей»). Персонажами этого жанра были, в основном, прекрасные обитательницы так называемых «зеленых кварталов» – увеселительных заведений, популярных в период Эдо, но встречаются изображения и придворных дам, знаменитых красавиц и гейш.

Чтобы установить связь между образами женщины в синтоистской мифологии и куртизанками на японской гравюре, необходимо, в первую очередь, определить специфику синто как вероучения и места женщины в нем. Наша цель – проследить, насколько неизменными женские образы перешли из мифологии в гравюру, какой модернизации в ходе времени подверглись.

Согласно летописным сводам «Кодзики» и «Нихонги» Японские острова были созданы божественной парой Идзанаги и Идзанами, то есть женщина получает демиургические функции, хоть и в качестве

младшей сестры. Впоследствии дочь Идзанаги Аматаэрасу становится главной богиней в синтоизме, покровительницей ткачества и земледелия. Противопоставление Идзанами и Аматаэрасу нельзя оставить без внимания – если в первом мифе о рождении Японских островов Идзанами представляет «темные силы» [10, с. 309], и острова-дети рождаются плохими оттого, что «женщина заговорила первой», то дальше миф трансформируется – и Аматаэрасу предстает Великой Священной Богиней. Уникален и тот факт, что из трех высоких детей – Аматаэрасу, Сусаноо и Цукиёми Идзанаги выбирает именно женщину – Аматаэрасу – как владычицу Равнины Высокого Неба. Вероятно, это связано с особенностью культа солярного начала у народов Океании и Японии – в отличие от большинства традиций солнце у них представлено женским началом, а луна – мужским. Противоположные образы Аматаэрасу и Идзанами также могут объясняться сосуществованием правильного и неправильного начал в женщине, поскольку персонажи традиционных мифов этически амбивалентны.

Центральное положение женских образов сохраняется и в гравюре. Классическое произведение жанра бидзин-га – это живописное изображение одной или нескольких красавиц в нарядных кимоно, увлеченных прогулкой или созерцанием природы. На одной гравюре могут присутствовать мужчина и женщина, но первого можно отличить лишь по выбритому лбу – в остальном это копия женщины. В этом искусствоведы находят отражение термина «митатэ» – сравнение, уподобление. Мужчина отображается в образе женщины, женщина – в образе придворной дамы, поэтессы. По мнению Б. Г. Вороновой, «этот прием – способ осмысления жизни с помощью метафоры» [2].

Уподобление мужчины женщине уходит корнями в мифологию. В «Кодзики» после смерти Идзанами бог-мужчина самостоятельно продолжил рождение страны и богов, то есть начал выполнять женскую функцию – деторождение. Феминизация была характерна и для общества Хэйанской эпохи: вместо исторических хроник составлялись поэтические антологии, а «мужская пластика превозносилась выше всего, когда она копировала женскую» [7]. С художественной точки зрения, уподобление мужчины женщине может объясняться основной функцией гравюры укиё-э – рекламой, призывом к горожанам посетить увеселительные кварталы. В этом аспекте не так

важно, женщина перед тобой или мужчина – важнее цвет кимоно и общая композиция, привлекающие зрителя. Слияние образов мужчины и женщины является, скорее, элементом модернизации, так как для мифологии различие полов имеет большое значение.

Именно благодаря опоре на качественную разницу мужского и женского начал в мифе мы можем наблюдать разделение образов женщины и мужчины по жанрам гравюры: бидзин-га изображал все прекрасное в этом мире – женщин, детей, природу; в то время как мужчины, одетые в доспехи, стали главными героями гравюр в стиле муся-э («воины»). В гравюре можно наблюдать и разделение по одежде: куртизанки всегда изображены в нарядах насыщенных, ярких цветов: алый, синий, желтый; придворные дамы – в кимоно более приглушенных оттенков. По мнению А. Н. Мещерякова, цвет и пошив одежды определял социальный статус человека, носить кимоно ярких цветов разрешалось только социальным низам и незамужним девушкам. Наряды знати должны быть темными, неприметными, но обязательно из шелка и с гербом рода [8].

Принцип гармоничного сосуществования человека и природы – еще одна особенность синтоизма. Так как все в этом мире обожествлено, и Kami (духи) – имманентны миру, человек должен уважительно относиться ко всему, что его окружает, чтобы после смерти стать одним из Kami. Необычайная привязанность японцев к природе без труда прослеживается в гравюре: ей посвящены два самостоятельных жанра – фуукэй-га («пейзажные картины») и катё-га («картины цветов и птиц»). В жанре бидзин-га красавицы также зачастую изображены на лоне природы – художник запечатлел их за любованием цветением вишен, наблюдением за осенью, золотыми рыбками.

Природа в японской гравюре – неотъемлемая часть композиции и мира в целом. «В природе нет некрасивого, все совершенно» [1]. Особый тип гравюры – э-кёдай («картины-братья») также демонстрирует степень важности природы в японской ксилографии – особенностью этого типа является наличие дополнительного изображения со связанным сюжетом, как это сделано в картине «Арихара из Дома Цуруя» [4] великого Утамаро. Тем самым картине придается пейзажный подтекст. В целом, женщину и природу в японской гравюре, объединяет, с одной стороны, непостоянность, хаос, а с другой – красота и лиричность.

Следующая особенность синтоизма как вероучения – сосредоточенность на рождении, плодородии. В «Кодзики» за рождение всего сущего на земле отвечают, в основном, богини – Дева-Богиня Обильной Пищи, Дева-Богиня Травянистых Равнин, Богиня Божественного Творения. Образ матери, кормилицы также транслируется из мифологии в гравюру. На многих картинах изображаются женщины с детьми, в одной из гравюр Кикугавы Эйдзан представлен праздник совершеннолетия [3]. На гравюре Китао Шигимаса две дамы кормят рыбок [5]. Благодаря синтоистской мифологии, возводящей историю всего живого к соединению женского и мужского начал, в японской традиционной культуре считалось нормальным показывать интимные сцены, оголяющихся женщин. В гравюре этому посвящен особый жанр – сюнга. Таким образом, акцентировалось внимание на женщине как матери, олицетворении плодородия, рождения.

Рассмотрев основные характеристики женских образов в мифологии и их отображение в гравюре, можно утверждать, что гравюра укиё-э является модернизированной репрезентацией синтоистской традиции, находящей свое отражение в неизменной актуальности женских образов разного статуса – от обычных женщин до богинь, несмотря на наличие и элементов модернизации.

Проведенное исследование доказывает, что синто вплоть до конца XIX века определяет логику культурной жизни японцев, а идеальный образ женщины, трансформируясь с течением времени, все же сохраняет мифологическую, древнеяпонскую основу.

Список литературы:

1. Бычкова, Т. А. Культура традиционных обществ Китая и Японии. URL: <http://window.edu.ru/resource/687/46687/files/tsu028.pdf>. (Дата обращения: 18.10.2015)
2. Воронова, Б. Г. Японская классическая ксилография XVIII–XIX веков. URL: http://japaneseprints.ru/reference_materials/articles/public1.php. (Дата обращения: 18.10.2015).
3. Кикугава Эйдзан. Первые любовные песни в честь совершеннолетия. Из серии «Разгар праздника Нивака в Зеленых домах». URL: http://japaneseprints.ru/data/engravings/Pervye_lyubovnye_pesni_v_chest_sovershennoletiya.php?ref=genres. (Дата обращения: 18.10.2015).

4. Китагава Утамаро. Арихара из Дома Цуруя. URL: http://japaneseprints.ru/reference_materials/articles/public1.php. (Дата обращения: 18.10.2015)

5. Китао Шигимаса. Две дамы, кормящие рыбок. URL: <http://japangallery.ru/bijinga/page-3-pictures>. (Дата обращения: 21.10.2015)

6. Кодзики: Записи о деяниях древности, свиток 1-й / Пер. Е. М. Пинус. СПб: Шар, 1994. Т. I.

7. Мещеряков, А. Н. Герои, творцы и хранители японской старины. URL: http://modernlib.ru/books/mescheryakov_a/geroi_tvorci_i_hraniteli_yaponskoy_starini/read_1 (Дата обращения: 28.10.2015)

8. Мещеряков, А. Н. Традиционная японская культура уделяет огромное внимание одежде как социальному маркеру. URL: <http://postnauka.ru/talks/25919>. (Дата обращения: 28.10.2015).

9. Накорчевский, А. А. Синто. – СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2003.

10. Самозванцев, А.М. Мифология Востока. – М.: Алетея, 2000.

УДК 7.067

ББК Ч11 71

Л75

Ломова А. С.

ВЗАИМНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ТВОРЧЕСКОГО И ОБЫДЕННОГО В ИНДИВИДУАЛЬНОМ СОЗНАНИИ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматривается процесс взаимной интеграции творческого и обыденного в индивидуальном сознании человека, роль влияния культурной среды на этот процесс и на генезис творческого потенциала человека. На основе анализа эмпирического опыта респондентов, рассматривается роль подражания в творчестве и роль опыта творчества в раннем возрасте в развитии творческого сознания личности. Отправной точкой в написании данной статьи, послужил анализ работ социолога и психоаналитика, Э. Фромма.

Ключевые слова: культурная среда, творчество, творческая личность, творческий процесс, материализация виртуального образа, обыденное сознание, творческое сознание, восприятие, творческий потенциал, подражание, ранний онтогенез.